

18+

Николай Зайцев

Преображение Смысла

Николай Зайцев

Преображение Смысла

«Издательские решения»

Зайцев Н.

Преображение Смысла / Н. Зайцев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-982246-8

Рассказы, помещённые на страницах книги, не продолжают действие одного сюжета в другом времени и пространстве, а герои повествований не дополняют друг друга, а живут собственной жизнью, как и всё живое на Земле, но их земное времяпрепровождение, может быть, станет необычным душевным откровением для землян, ищущих свежих светлых переживаний в судьбах жителей мира, который открывает для них прекраснодушие авторских слов и видений.

ISBN 978-5-44-982246-8

© Зайцев Н.
© Издательские решения

Содержание

НИКОЛАЙ ЗАЙЦЕВ	6
ПИСЬМА – ОТЗЫВЫ	7
ЭПИЛОГ	11
ПРЕОБРАЖЕНИЕ СМЫСЛА	12
КНЯЖИЙ ВОИН	14
ЦЕРКОВЬ	26
ПРЕОБРАЖЕНИЕ СМЫСЛА	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Преображение Смысла

Николай Зайцев

© Николай Зайцев, 2020

ISBN 978-5-4498-2246-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

НИКОЛАЙ ЗАЙЦЕВ ПРЕОБРАЖЕНИЕ СМЫСЛА РАССКАЗЫ

Это пятый сборник рассказов Николая Зайцева. Повзрослевшая душа автора требует откровения перед Богом и читателем. В этом сборнике собраны рассказы, написанные автором в разное время жизни, нравственное содержание которых является основной целью их написания – во славу Господа. Читатель сам определит отношение повествований к своей долгой или только начинающейся жизни. Там, где звучат мотивы вселенской Любви, не всегда надобно искать важность предметов, о которых говорится в строках рассказов, ибо слова, вырвавшиеся в трепетное мгновение пробуждения души, лишь усиливают многозвучие красоты Божьего мира и, отлетая в Космос, завораживают своим лёгким прикосновением сущность некоторых вещей, иногда совершенно незримых взгляду суетного человеческого бытия. Но автор уверен, что мир, озвученный и осиянный Любовью, станет видим и слышим всеми, кто жаждет осмысления своего образа и подобия в сознании бессмертия человеческой души.

ПИСЬМА – ОТЗЫВЫ

Доброго времени суток, уважаемый Николай Петрович!

Я высылаю Вам работы, выполненные учащимися из других регионов, по мотивам Вашего рассказа «Голуби». Судя по детским работам, Ваш рассказ понравился. Он вызвал серьёзные размышления. Учащиеся подметили связь Вашего рассказа с рассказами писателей-классиков; отметили важную тему, поднятую на страницах произведения – тему «Чудиков». Именно «Чудики», которые живут и в наше время, являются во все времена мерилom нравственности, совести.

Эта тема древняя и вечная, доколе жив человек. И не погибнет земля, пока есть такие «Чудики», как Толян. Я считаю, что детям нужна такая литература, которая «цепляет» за живое, не даёт совести «засохнуть», заставляет видеть истинные ценности, мимо которых проходят чёрствые и бездушные люди, которые спохватываются только лишь тогда, когда ничего уже вернуть нельзя... Так, до обидно грустного, устроен человек...

Как ни парадоксально, но это имеет свою положительную сторону: заставляет человека опомниться, пусть хоть поздно, и взглянуть на себя, свою жизнь по-другому, по-человечески... Своими творческими работами дети показали, что они неравнодушные, а отзывчивые, понимающие зачастую лучше, чем взрослые.

Ваш рассказ, Николай Петрович, – светлый, добрый, действует очищающе на чуткие детские души. Учит сопереживать (слово-то какое, наполовину забытое).

Я уверена, что такая литература (как Ваши рассказы) должна жить, воспитывая не одно поколение. Ведь Ваши рассказы «без ограничения возраста»...

Желаю Вам творческих успехов. Ждём Ваших новых произведений.

Куратор проекта «Добрая Лира» – Смородкина Татьяна Ивановна.

СПб, лицей №590, Санкт-Петербург.

МБОУ «Гимназия г. Болхова» Орловской области

Номинация: Открытое письмо автору рассказа «Голуби»

Здравствуй, уважаемый Николай Петрович!

Меня зовут Аня. Я учусь в восьмом классе гимназии. Живу в небольшом городке, уютном и красивом, с живописными окрестностями, старинными церквями и храмами.

Я с большим интересом прочитала ваш замечательный рассказ и, конечно, не могла остаться равнодушной, представив героев и всё, что произошло с ними. «Голуби» заставили меня о многом задуматься. Позвольте обратиться к Вам, поделиться мыслями, задать вопросы, спросить совета. Хочется сказать Вам большое спасибо за главного героя рассказа, такого светлого и доброго. Я не могла не полюбить его за чистоту, за крылатость души. Уверена, что многие мои сверстники, которые прочитают ваш рассказ, будут завидовать мальчишкам, знавшим Анатолия Ивановича, питавшимся его душевной щедростью. Наверное, Вы подсмотрели этот образ в жизни. Ведь есть на самом деле такие люди, которые украшают наше существование. Любовь ко всему живому, к миру является источником их творчества. Они создают вокруг себя особое «светлое пространство души, распростёртое до самых Небес», куда пускают всех тех, кто нуждается в красоте, кому не хватает творческого порыва. Я думаю, что люди, похожие на вашего героя, – голуби. Эти чудесные «птицы Божьи» – воплощение прекрасного, того, чего так жаждут души «Толянов». Читая ваше произведение, уже с первых страниц я почему-то стала ощущать пока необъяснимую тревогу и страх за Анатолия Ивановича, поскольку [я уже это поняла такие люди очень уязвимы, беззащитны перед силами зла. Почему Вы выбрали

своему герою именно такую судьбу? Может, Вы хотели следовать правде жизни? Но как же жестока эта правда...

В некоторых частях рассказа Вы причинили нам боль. Но боль возвышающую, исцеляющую, которую должен испытать каждый. Ваше повествование о судьбе праведников помогает нам самосовершенствоваться, душам нашим – возвыситься. Истинная литература всегда содержит боль. Думаю, это проверка читателя на способность сострадания, сопереживания.

Я считаю, что Вы, уважаемый Николай Петрович, действительно достойны премии «Педагогическое признание». Вы внесли огромный вклад в духовно-нравственное воспитание подрастающего поколения. Мы, подростки, тоже признательны Вам за вашу чуткость, за способность понять мир души ребёнка.

В рассказе Вы говорите о том, что в детстве все преисполнены намерениями вступить на дорогу добра. Но с годами они начинают встречать «активное сопротивление знаковых примеров других поступков, не ответствующих помыслам юности о тайной доброте познаваемого мира». Многие мои сверстники, может быть, уже столкнулись с этим. Я считаю, что нас нужно подготовить к тому, что однажды произойдёт событие, которое может опрокинуть наше представление о господстве справедливости в мире (для мальчишек из вашего рассказа это – смерть Анатолия Ивановича).

Жизнь не сказка со счастливым концом. Нас, подростков, ждёт встреча, как с добром, так и со злом. Я долго размышляла над последними абзацами вашего произведения. Ещё и ещё раз перечитывала Ваш внутренний монолог. Позвольте высказать моё толкование. Вы даёте пессимистический прогноз на будущее. Вроде бы гармоничный мир вытесняется жадностью, корыстью, жестокостью. Но всё-таки Вы верите в то, что никогда не наступит время торжества зла! Права я или нет? Ключ к разгадке я увидела в грамматической форме глагола, который вы использовали в последнем предложении. «Наступало» (несовершенный вид), но не «наступило» (совершенный вид). А это значит, что названное действие ещё не совершилось!

Позвольте уверить Вас, уважаемый Николай Петрович, что все мои сверстники, и все взрослые, прочитавшие ваш замечательный рассказ, постараются жить так, чтобы в мире всегда было место прекрасным, чистым и крылатым душам.

С искренним уважением к Вам, Аня Солощенко.

г. Болхов, Орловская область

23.12.13

Творческая работа по мотивам рассказа

Н. Зайцева «Голуби»

Эссе «Зорко одно лишь сердце...» ученицы 8-Б класса лицея №344

И мир опустел... Сейчас здесь нет места «голубям, собакам, деревьям – простой человеческой радости». А раньше у каждого было всё: труд, родители, отчий дом, потребность в красоте, полёте души, общении с животными и друзьями. Что же могло произойти с нами?

Прочитан рассказ Николая Зайцева «Голуби».

Что я почувствовала, перевернув последний лист?

Обиду. Не детский каприз из-за очередной глупости, но жгучую боль за уже ставших близкими Толяна, ребят, собак и голубей, в несколько дней лишившихся своего мира и счастья вместе с ним.

Злость. Не застилающую глаза злобу, убивающую в нас всё человеческое и побуждающую на ужасные поступки, тем самым превращая нас в подобие наших же врагов. Злость, дающую силы бороться за своих друзей.

И, как ни странно, надежду: раз появился такой рассказ, не всё потеряно.

Жил Толян. И непонятно было, сколько ему лет. Вне времени жил: ярко, весело, среди взрослых и детей. Этаким современным платоновский герой, сумевший сохранить себя в тече-

ние почти 100 лет. Или шукшинский Чудик... Особенный человек. И общество не могло принять факт, что кто-то может жить по-другому и при этом быть счастливее окружающих.

Люди всегда стараются подогнать таких под определённый шаблон, подсознательно высмеивая, ведь намного проще сломать чью-то жизнь, чем самому стать лучше. Эта мысль подчеркивается на протяжении всего рассказа: «Многие считали его блаженным, посмеивались над его дружбой с пацанами», «бабы судачили, что мужик остепенился и бросил несерьёзные занятия, должен служить всем примером», «придурок (так называли его за бескорыстие и отзывчивость)».

Я не виню взрослых. На их долю выпадает немало горя, и не у всех после подобных испытаний остаётся воля к жизни, не говоря уже о блаженстве беззаботности. Именно поэтому детям не понятны были ответы родителей: «Нешто можно так убиваться из-за голубей-то. Ну, понятно, если корова пропала бы, или там поросёнок.

А то была лишняя обуза и нет. Радоваться надо.» Женщины держат огромное хозяйство: готовят еду, следят за чистотой в доме, воспитывают детей... Понятно, что из-за множества проблем они уже и думать ни о чём другом не могут. У мужчин тоже много забот, но иного рода: «Ну, если он так думает, оно и лучше. Улетели сами, Бог с ними. Прозреет, таких дров наломает, что и подумать страшно.»

Они тоже забыли о детских забавах, ведь, хоть и отвечают в унисон, каждый думает по-своему. Никто из взрослых так и не понял, насколько светлым был Толян до той роковой встречи, как не понял причины своих слёз на похоронах. Только дети знали о «последнем человеке» в городе, да и то, со временем, дым повседневности постепенно затуманит их взор, и вскоре Толян из кумира превратится в «придурка». Серые очки передаются людьми из поколения в поколение, и лишь немногим удаётся оставить свой взор чистым и ясным. Толян был другой, но пока всё было хорошо, его это не особо волновало. Жил он в согласии с душой, соблюдал традиции предков, «верил, что так надобно». Жил благостно, ведь любовь к миру пришла к Толяну от отца, которого он повторял как обликом, так и чертами характера. Всё светлое, как и многие другие люди, он взял из детства, но, в отличие от других, смог сохранить это в себе, потому что занимался любимым делом и не переставал удивляться и радоваться новому. А еще дома, за роскошным садом, оберегая «добро» и «довольство», охраняла его любовь мамина. Но ее не стало, и не только дома, в душе мужчины «поселилась неизбывная тоска одиночества». Нет, у Толяна были женщины. Но воспринимал он их как-то несерьёзно, последними в ряду очарований. Зайцев не зря подчеркивает ряд любви героя: «голуби», «собаки», «люди тоже». И среди людей – соседи, мужики и детвора, его десяток рабочих и только потом ОНА, скорее, они. Той, единственной, он так пока и не нашёл. Если не считать Зинаиды.

И вот тут начинается самое страшное – та, что должна нести любовь – жизнь, принесла смерть. И эта смерть осязаема с первого движения «чужой женщины». Чужой – не умеющей любить, оглядывающей все хозяйским взглядом, не видящей естественного (зеленое яблоко – не спелое, а зимнее. И зимнее не растёт на снегу). А еще она «пришла в гости и будет родней». И стала хозяйничать: «ввела новые порядки», не пускала никого во двор, а с мальчишки, гонявшего голубей, не спускала глаз – блюла, чтобы чего не украл. И все вывозила на продажу... Жизнь из дома, сада, с голубятни ушла, осталась в прошлом.

Говорят, вечная красота и женственность спасут мир. С одним условием. Если за ними, нет – над ними, с ними – стоит любовь. Вот, вероятно, в чем проблема: она «пришла деловито...» с новыми материальными ценностями – и одним махом убила все вокруг: сад, обнесенный штакетинами, в котором можно было просто так полакомиться ягодами и плодами, осиротила дом, лишив его души, продав все, что можно. Даже голубей... И не понять вовек Толяну, что они не улетели – их заперли и увезли... продали, потому что ни сердцем, ни умом такого не понять нормальному человеку. Человеку, живущему по слову – завету Божескому.

Столкнулись два мира – непримиримых и никогда не понимающих друг друга: мир духовный, чистый, голубиный, с неотделимой сутью царства Небесного, и – материального, не признающего «бескорыстной радости к жизни, добра, света, любви, совести». А голуби, выпущенные на кладбище, сбились в стаю и улетели. Люди осиротели. А земля... Землю, точнее, усадьбу, превратили в тюрьму с толстенными решетками на окнах и колючей проволокой поверх забора... Несмотря на последние зловещие слова автора: «Наступало другое время на Земле и здесь не находилось места голубям, собакам, деревьям – простой человеческой радости», я верю, что когда-нибудь все люди станут жить по образу и подобию Господа, и воцарится царство Небесное на земле!

ЭПИЛОГ

С самого начала прочтения рассказа никак не могла понять, что же так смущает меня в имени главного героя. Поняла: Толян – не кличка, что-то свойское, рубленое, какое-то недоделанное, что ли... Озарило: а жил-то беспечно. Не прилагая сердечных усилий, не испытав всеобъемлющей любви. Жил как бы по инерции, в довольствии всеми и собой. А душевных сил рассмотреть фальшь, не-любовь не хватило. Вывод? Не будем работать над зоркостью своего сердца – погибнем так же.

Камкова Екатерина.

Контактный телефон 8 981 74 59 334

Учитель Печелийская О. А.

Контактный телефон 8 911 120 79 19

ПРЕОБРАЖЕНИЕ СМЫСЛА

РАССКАЗЫ

Николай Зайцев, родился в 1950 году в г. Талгаре, Алма-Атинской области Казахстана, в 1968 окончил среднюю школу №1, работал в топографической экспедиции, закройщиком, радиомехаником, мастером по изготовлению очковой оптики, корреспондентом.

Публиковался в республиканских журналах «Простор», «Нива», альманахе «Литературная Алма-Ата», российских «Наш современник», «Литера», «Молодая гвардия», «Север» – Петрозаводск, сетевых «Камертон» и «Великоросс», «Лексикон» – Чикаго, издал несколько книг поэзии и прозы, участник многих коллективных сборников Лауреат фестивалей «Славянские традиции» – 2009 г. – 2017 г., «Верность родному слову» – 2011 г., «Литературная Вена» – 2011 г., «Русский Гофман» – 2018 г.

Лауреат премий им. В. И. Белова – 2009 г., им. В. М. Шукшина – 2013 г.

Руководитель творческого объединения «Вершины Талгара», г.

Талгар, член Союза писателей России, билет №8674.

КНЯЖИЙ ВОИН

Аще сказать ли те, старец, повесть? Блазновато, кажется, да было так...

Аввакум

Нынче здесь редко кого можно увидеть. Только дядя Вася не забывает это святое для него место своим присутствием. Он тоже теперь нечастый посетитель, но более памятный из всех приходящих сюда. Хотя можно ли назвать привлекательным для паломничества кусок заброшенной земли, где между двумя тысячелетними дубами врос позеленевший от пробившегося по нему мха, то ли просто камень, а, может, останок какой-то вежи, отметины, оставленной людьми, жившими в этих краях.

Скорее всего, это был памятник, его поверхности касались руки каменотёса, но когда это было, так никто и не распознал. Хотели узнать, нашли на тёсаном лице камня буквенные знаки, больше похожие на руны, чем на славянское письмо, даже прочли о каком-то великом князе, то ли побывавшем в этих местах, а может, почившим под этим древним надгробием.

Время ушло, любознательные к своему прошлому люди канули в небытие, а красных комиссаров, захвативших власть, не интересовала история этой страны по причине своего чужеродства ей, они были увлечены построением светлого будущего для своего народа. Но ближняя к камню деревня звалась – Князево. Отчего-то такое произошло? Чего не дают на Руси просто так – это названия. Дают его один раз и надолго. Навсегда. Потом переименовывают, но имя возвращается из своего времени через год, через век.

Живуча Русь. Один камень такой, замшелый, на её земле останется памятной, и от него снова начнётся Волга, Москва – Родина. Русь – она от Господа людям дадена, и потому конца ей не будет. Живуч и дядя Вася, он от родного простора – русский. Он тоже, без всякой посторонней помощи, уже начал вращаться в свою землю, как тот Князев камень, боясь, видно, что похоронить его вскоре будет некому. Стоя перед древностью, он становился похож на неё – на вековые дубы, на землю под ногами, в своём неизменном, затёртом армяке и стоптанных, до вида опорок, сапогах.

Жил он в сторожке на деревенском кладбище вроде при деле, хотя ни о какой службе речь не шла – кормился от добрых людей, да и только. Кладбище давно заросло вековой дубравой, кустами сирени, похороны здесь случались нечасто – люди в деревне стали совсем редки. Народ родился, но куда-то потом исчезал, растворялся в городах, а если кто и заглядывал в родные места, то умирать здесь не собирался, не задерживался долго, уезжал восвояси, а чаще никто ни слухом, ни духом о своём дальнем житье-бытье не заявлял. Кое-кто из заблудших на чужбине по прибытию на свою малую Родину приходил к Князеву камню, отвешивал поклон своему и общему прошлому, выпивал с дядей Васей кружку горького вина, поминая при этом князя невиданного, родных своих, свою понятную былую жизнь. Потом обретший память земляк шёл к могилам своих родителей, родичей. Здесь без помощи сторожа никто не мог обойтись: нелегко холмики, поросшие травой, в лесу отыскать, пусть и родные они. Но дядя Вася знал места упокоения каждого односельчанина, мог рассказать о его жизни и смерти, служил проводником в прошлое своей деревни.

Мог поведать историю Князева камня и сказать слово о самом князе. Этих сказов со временем становилось всё больше, сочинял их сам дядя Вася, но никто его в этих фантазиях не упрекал: прошлое минуло, и мало кого тревожили выдумки о нём. Легенда, рассказываемая дядей Васей, становилась всё витиеватей и длинней, а слушателей всё меньше и меньше. Время поощряло сказительный талант кладбищенского сторожа, увеличиваясь непомерно между посещениями любопытных и совсем неинтересных гостей и редких, ещё не обделённых памятью земляков.

Сказ начинался в лучших традициях русской былины: «Когда-то давно жил в этих краях достославный князь. И был он разумом светел и телом могуч...». Окончание же повествования зависело от внимания слушателя. Если он был не охоч до рассказов и баек, то у середины своей повесть начинала комкаться, укорачиваться (чего зря красноречие изводить, дураку что просо, что брильянт – всё едино) и заканчивалась в двух словах: «И почил князь от дел своих под этим камнем». Но находился настоящий слушатель, и сказ расцветал неслыханными при жизни князя и после неё историями его подвигов и других благих дел. Когда кто-нибудь из особо памятливых гостей, начинал перечить словам рассказа (мол, в прошлый раз было другое), дядя Вася и вовсе прерывался на половине своего повествования и начинал сердито курить самосад, всем своим видом давая понять, что право на повесть принадлежит рассказчику, и как должен жить великий князь, ему – потомку его, лучше знать. А причина к тому была – в деревне, да и вокруг по земле, его звали не иначе, как потомком князя. Так нарекли, а попросту в деревне до такого звания никого не возвысят. Имя человечесьё, что при крещении дают, то для Господа, к престолу звать, после земного гостевания, а прозвище для людей, пока среди них во грехе живёшь – вроде ты, а может, и нет. Бог даст, не заметят твоих пакостей, творимых при жизни, но надежды на такое прощение мало, Отец Небесный всё и всех видит, тем более потомков князей. Любое человеческое звание обязывает достойно на земле жить, а княжеское особенно.

Невзрачный собою, по правде говоря, достался поселянам потомок княжеский, но и деревня или то, что от неё осталось, была под стать. Домов тридцать скособоченных осталось стоять по улицам, из них большая половина заколочены, покинуты. «Куда народ подевался? – дивился остатний потомок могучего владетельного князя, покуривая самосад. – Чего людям надо? Такое раздолье кругом, живи – не хочу. И не хотят. В каморке вонючей в городе ютятся, а в деревне дом-пятистенок в тоске одиночества валится на бок. Последний заморыш городской приедет, отъестся на молоке да на масле настоящем, а сам свысока поглядывает на кормящих его: лапти вы, мол, недоплетённые. Вон, Митька Бывалых, возьми, парень как парень – пахал, сеял – человеком был. Урыл в город, грузчиком работает, будто подменили его там. Мысли у него безродные стали, неприкаянные, обрывки от прошлого. От стакана до рюмки живёт. Теряется народ в городе, ветшает. Чужим становится и в первую голову – себе».

«Однажды», – так начинается множество повествований, сложенных людьми, живущими на земле. Рассказов хороших и не очень, хотя суждения, как и осуждения, всегда относительны, как и все человеческие слова. Однажды, единожды, именно так определяется срок жизни человека на земле. Об этом мгновении и хочется поведать современникам, а удастся, и потомкам. Однажды, так начинается всякая жизнь и единожды проходит. Из этих мгновений и сложена Вечность. Она и сложена для того, чтобы однажды продолжиться ещё одним повествованием, а потом остаться в нашей памяти этим росчерком пера. Не каждому дано вылиться радостным сказанием своей пробегающей жизни или уже почти минувшей. Не каждый умеет заметить время своего рождения и промежутки того же времени движения к смерти. Чаще замечают чужую, чем-то выдающуюся жизнь, забывая о своём единственном присутствии в мире, столь же нужном, как и рождение кумира, в котором растворилось время твоей жизни. И часто совершенно бесследно. Но одна напевная сага может прожить на устах потомков тысячи лет, чтобы оформиться в великолепии исторических событий, хотя через тысячу лет очень сложно судить о действительности событий, переданных красноречивостью человеческого языка. Но если сказание живо, прошедши через века, значит, оно имеет право жить и не нам судить о том. И слава Творцу, что живы народы в своих преданиях, потому что однажды кто-то сказал слово о своей жизни или описал чужую, более яркую, не заметив в этом свете своей. Пусть будет славен и тот, и другой, как и всякий отважившийся сказать слово. И дядя Вася в их числе славен, невзирая на незаметность своего присутствия во времени. Пусть

единожды, мельком, но он велик, остановив время княжеского жития, разбросав этот сказ по умам слушателей, городам и весям родной земли. Вспомнить – значит узнать себя в прошедшем, может быть, в том князе, который будет жив до той поры пока, однажды, не народится другой достолавный князь и не объединит прошлое с настоящим.

О новой жизни и людях в ней, пробивающих себе дорогу куда-то, а то и просто живущих, как кроты, боясь света разумного, абы день до вечера провести, а ночь скроет и грехи и святость – расскажут много и многие. Разным земным событиям и человеческим деяниям, произошедшим на его веку, был свидетелем княжеский потомок. Немного людей на его глазах выросло из своего детства, очень мало из юности, и уж совсем редкостны стали человеки, что выходят из разумения молодости и становятся взрослыми. По обличью они добропочтенные старцы, а присмотришься пристальнее – балбесы малолетние. Прожил долго, а спросить нечего, он про своё прошлое толком не помнит, а уж о корнях и памяти вековой и говорить нечего. Своих кумиров в телевизоре разглядывает и их радостью богомерзкой живёт. Радость должна быть тихой, покойной и светлой в Любви, Христом завещанной, а не лахудрой с голыми сиськами, что ими по экрану во все стороны размахивает, не для того же это дано, а детей вскармливать. В такой груди и молоко горькое, отравленное чужими взглядами завистливыми, оттого и дети маются у таких матерей – то разумом, то телесным недугом. Коли в голове недород, то и всюду одни сорняки. И полоть их уже некому.

Спросите, отчего дядя Вася сказителем стал? Такое не вдруг случается и не со всеми. Давно жил в деревне паренёк Василий. Неказист уродился внешним видом, но вырос удал и дерзок и в работе неуёмный. Рано остался без родителей, воспитывался у бабки своей и был очень самостоятелен в желании жить. Рано начал работать, поставил хороший дом и к двадцати годам решил жениться. Девку выбрал самую рослую и красивую – никак ему не в пару. Но упорен Вася и в любви оказался, добился-таки согласия красавицы; чем уж он её, голубушку, полонил (на полголовы ростом ниже невесты), одному Богу известно, но стали готовиться к свадьбе.

Вася тогда ещё не назывался потомком князя, но праздник готовил по-царски. С тройками, лентами, музыкой, скачками. На лошадях, расфранчённых яркою мишурой, двинулись в районный загс, а после, уже в качестве законных мужа и жены, с радостью этой вселенской, помчались на рысях в деревню, где народ ждал, томился у накрытых свадебных столов. Зима только началась, снег не шибко лёг. Мчали резво, с удалым куражом, молодым задором. Уже перед самой деревней шаркнули сани полозьями о голую землю, пошли боком, невеста вылетела и расшиблась о придорожную корягу.

Два года потом лежала недвижимая, без памяти и без слов. Так и померла невестой, а Васю оставила навсегда женихом. После похорон её заметно стало, что угас в неслучившемся муже огонь желания жить. Нет, он оставался на земле, но уже как-то больше по привычке, без радости. Погоревала вместе с внуком и отправилась на Божий суд бабушка, и остался Вася один среди людей. Помыкался ещё пару лет на колхозных работах, потом выпросился кладбищенским сторожем служить, рядом хотел с любимой быть, а тут, в аккурат, преставился старик, охранявший погост деревенский, и место стало вакантным. Но старик стариком, а вот как молодого на кладбище списать, тут надобно разрешение от власти. Но отпустили, чего парня в неволе держать, коли у него всё из рук валится. Там, на кладбище, и работа не видна, по старости подходит, а молодой гражданин должен государству пользу приносить. А какая польза от усопших, вечная им память. Оформили пастухом, грех на душу забрали, но то мирской обман, не тяжкий. Ну, как назвать кладбищенскую службу, когда кругом безбожники? Чего, мол, их охранять, души нет, Бога нет, а кости никому не нужны. А подумать хорошо, так Вася навроде апостола Петра у ворот погоста – встречает усопшего и покой его хранит. Но нет таких должностей в советских работах. Не нашлось, будто народ в безверии бессмертие телесное обрёл. И стал Вася пастухом по ведомости бухгалтерской и пастырем у могил упокоившихся

навечно. Где ограду поправить, где цветы полить, да мало ли заботы в местах упокоения, души умерших тоже радуются, когда о них волнуются и не забывают поминанием, приходом на место последнего их пребывания земного. Но только поначалу приплачивали в колхозе жалованье, а потом забыли. Сторож есть у кладбища деревенского, а у колхоза без него забот хватает и денег нет всегда. И стал Вася вольным художником – сказителем, сам себе своё пропитание выговаривал.

Много ли человеку надобно? Доброе слово да хлеба кусок. Всяк по-своему живёт, у кого закрома ломаются от добра, другой и похлёбке рад, а кто из них счастливее, поди, дознайся. О своём счастье Вася ни с кем не заговаривал и ни на что не жаловался, ему хватало и светлого дня и тёмной ночи, и люди к нему шли, своих проведовали и его не обижали. Так и стал Вася покой усопших своих земляков охранять, не найдя своей душе отдохновения. Позднее отыскалась княжеская могила и началась легенда, и никто уже не мог вспомнить, жила эта сказка раньше или появилась с началом Васиного отшельничества на кладбище. Да никто об этом и не думал, слушали и всё тут. Сперва сомневались, после привыкли, изменить прошедшее пытаются только дураки, а таковые на огонёк к сторожу не заходили. К такому событию готовились долго, в одиночку, копили обиды, грехи, а уж потом шли высказаться и послушать. Послушать и сказать. Часто случалось, что приходил человек поговорить о своём наболевшем, томившем мысли, но, послушав, о чём идёт разговор между другими людьми, и в этом случайном собрании слов узнавал себя и о себе и уходил, не сказав ничего – все поняв, и тем успокоив боль своих невзгод. На кладбище лучше понимается мелкость своих несчастий. За кладбищенскими воротами и звуки другие. Понятней. Смысл слова огромен, когда вокруг не суется, а слушают и понимают. Когда Вечность впечатана в землю крестами. Вехами бессмертия. Ушёл один – пришёл другой. Пока помянуть, осмыслить, а потом и совсем. Но придёт следующий живой, и помянёт, скажет доброе слово об усопшем, и откусит кусочек хлеба, свою часть от Вечности. Причастится к ней.

Так легенда вросла в родную землю и стала душевной нуждой, за которой идут люди к дяде Васе узнать, какую ещё великую доблесть обрёл в себе их земляк – князь. Тем и жива легенда, что всегда нова на свежих устах. Выдумка – не обман, это заслуга рассказчика, свет его разума, льющийся в души слушателей, окрыляющий верой, что всё было именно так и дальше будет ещё лучше и красивее. Даже на кладбище. Умер, но жил, чтобы стало лучше. Только поэтому стоит жить. Жить рабом, но верить, что жива воля, за которую бьётся и борется князь и надо помочь ему своими делами, чтобы обрести эту даль и ширь своей земли. Она, эта вера, и есть – свобода. Мысли о свободе – крамола души. Свобода от чего? Это когда беды нет. Но чаще свободу в беде находят. В разбое. Сказы сказывают о благородных служителях ножа и топора, о вольных, лихих людях. Говорят с завистью и томлением духа, забыв, что пред Господом никто не волен. Волен только Господь. В крови и злобе свободы не бывает. Потому и неясно, где жертва, где палач. И судить никто не волен. Земные судьи на службе у власти кормятся. А Господь сам судит, и присяжные его суда тоже не на земле живут. Не купишь. Земной суд это так, для потехи тщеславия, всё настоящее людей после кончины ожидает. И казни лютые, и награды высокие. На кладбище идут, кто наград не ищет, а душу растерянную объединить желают. Пока сам у дяди Васи чаёк попиваешь да беседуешь, душа твоя с душами родных и земляков встречается, узнаёт многое, лечится от суеты, злобы в той суете. Красивей становится, добрее. Но ты об этом не знаешь, и, только выйдя на дорогу, ведущую в село, ощутишь в себе покой и веру, возносящую твою душу к Господним высям. И князь светлым облаком оживает в тебе, и верится, что славные дела его умножать – долг твой.

Уважали мужики дядю Васю. За слово доброе, за всегдашнее ожидание, полуденное и полунощное, несчастий человеческих, что приносят ему из-за забора кладбищенского и хоронят с его помощью, в тишине вековых дубрав, выросших здесь с самого начала белого света. А пуще всего возвышала Васю в нехлипких мужских душах его нерастроченная любовь,

схороненная за оградой кладбища у могилы любимой. Величают люди глубокие чувства, что через землю прорастают, не пылкостью юной, а через страдания, Господней любовью, ко всему живущему на Земле. Со всеми людьми Вася ровен был в отношениях. Провожал на могилку родственников, ежели таковая имелась, или просто привечал в своей избушке. И никто не уходил от него, не излив в беседе душу свою и не выслушав легенду. Один дотошный газетчик, приехавший с какой-то оказией собирать деревенский фольклор, измучил дядю Васю вопросами. Сначала слушал, потом записывал, а вопросы стал задавать, когда понял, что записать легенду невозможно, у неё нет окончательного варианта. А на все выдумки рассказчика бумаги не хватает.

– А был ли князь? – спросил писатель после нескольких прослушиваний. – Что-то описание его подвигов у вас каждый день разнится с другим, последующим.

– Так и дни не все погожие: и хмурые есть, ненастные, – отвечали ему.

– Легенда-то из веков, при чём тут нынешние дни? – не отступался приезжий.

– А теперешнее время откуда? Не из веков ли? Мы не от Ленина, слава Богу, родились, а от отца Небесного. День ко дню – и Вечность образуется. А у Вечности много чего есть. И князя там жили и живут, – твердил своё Вася.

– Он что у вас князь, – не один? Так бы и говорили, – отбыл восвояси собиратель древних сказаний.

Множество имён придумали России заумные её жители и совсем безумные бродяги заморские. Тут тебе и варварская страна, и тройка – Русь, и умом её не понять. А кто просит её понимать тем развращённым умом европейского безбожника, нашу бескрайнюю Русь. Для того чтобы Россию понять, ум бескрайний нужно иметь, безграничный. Россия – это мужик, одетый в просторную рубаху, он красивый, светлый лицом, в льянном уборе волнистых волос, с доверчивым, но смелым взглядом, готовый пахать и защищать родную землю. Россия – это женщина, удивительная Василиса Прекрасная (именно так с большой буквы), с вечным ожиданием и любовью в своих чистых, как родниковая вода, глазах. Вот она, Русь и все её дворцы, и Кремль, и даже мавзолей дьявола, от мужика, от его труда, от взгляда его доверчивого, веры бесконечной, неколебимой, что воздаст Господь всем по заслугам; и ожидание в глазах женских всё от той же веры истовой в начало и продолжение Русской земли. Кто-то придумывает этой земле названия, этому народу имена, а народ просто живёт и ждёт пришествия Господа, чей святой дух хранит его землю. А ещё пропитана земля Русская совестью человеческой на все времена: и добрые и лютые, и с первыми шагами по родной земле наполняет она русскую душу до краёв боязнь обидеть кого-либо ненароком, оскорбить нелюбовью, встретить неприветливо. Совесть в русскую душу мукой великой вросла. Никому её потеря так дорого не обходится. Человек без совести – вроде языческого божка становится: напасти и страхи насылает на ближних своих, без милосердия душа его обитает. Ему и себя не жалко. Бога нет – совести то есть, значит, и жизнь моя, а не данная кем-то для благих дел, хочу и себя погублю на утеху своему язычеству. Но противны такие мысли русской душе. Эту совестливую широту души русского человека марали и гадили все недруги и друзья переменчивые, но отмывалась она после кровавых побоищ и снова, с ожиданием любви, глядела в глаза врагов своих и верила – поймут, должны понять. Понимали, но ненадолго, и вновь хаяли и виноватили кормилицу свою, боясь размаха её силы и желая её гибели. А почему так случается? Тысячу лет растила, множила и хранила Русь свою совестливую православную веру, жила в ней, и была ей. А Европа изменила Христовым заповедям и расплодила у себя ересь, хитрость и лукавство. В том и суть нашего различия. Но должно бы им всем знать: если проснётся в русском мужике зверь и утихнет совесть – весь мир дыбом встанет и не будет пощады никому из нынешних и будущих клеветников. Любите – покуда добры к вам, идите в открытые объятия – покуда зов ласковый слышен.

И мысли такие у Василия прозревали от самой земли родной, от камня княжеского, до Небес тянулись, к Господу. А пути Господни дивны, вечны и мудры. Так и слова добрые, нежданно пришедшие не тяготят, но радуют. Поначалу дивился Василий таким думам, будто бы и не своим, боялся, больно широко захватывало, но после решил – коли, дано, стало быть, так Богу угодно.

Не каждому дано прорваться в память своего Отечества и сотворить о том легенду, суметь рассказать её, связать, объединить время, пусть здесь, в ветхой избенке кладбищенского сторожа; что ж, не всё доброе во дворцах живёт, чаще наоборот. Вася дворцов, выше сельсовета, не видал, а так высокие терема, да подворье княжеское словами раскрашивал – заслушаешься. Распрямялась его неказистая статья, занимались огнём на морщинками повитом лице глаза, и вот уже он сам горячит плетью застоявшегося коня, правит с княжьего двора со дружиною удалой, и льётся, льётся сказ о том походе славном, о воинской доблести и ещё многом, многом забытом, растерянном в суете смешной человеческой жизни. Умели раньше сочинять истории и саму Историю блюсти. Говорить умели, слова знали верные. Ныне забыли многое, растеряли в войнах кровавых, а пуще того в революциях смрадных, коммунизмах разных, обману научились, ереси, лжи красивой. От этого всего и идут люди к рассказчику честному, дивные слова знающему, там и вспоминают своё родство с добрым словом, с песней славной. К дяде Васе идут на кладбище, там всё прошлое, древностью пахнет, словом мудрым тишина – до поры она тишина, грянет громом, раскатится, молнией засверкает прямо в души и осветит былое, освятит родное, и придёт Любовь в сердце; и пойдёт человек своей дорогой, оставив недобрые помыслы, похоронив печаль и заботы среди вековых деревьев, уже не боясь безродности своей, восстановив в услышанной легенде связь времени с живущими на Земле людьми.

Не каждому хочется взглянуть в глаза истине, вернее, никому не хочется этого делать – страшна правда, даже взгляд в её сторону пугает; там все мерзости, нами содеянные, собраны, бежать захочется, а может, задуматься и пойти за своим взглядом в истинную сторону, тяжёлый будет путь, но славен. Слава земная к праведникам не охоча, но люди её всегда помнят. Да что слава, её кругом много, кумиры, что вши плодятся на капищах порушенной истины. Много мелькает лиц, звучит слов, но помнится только настоящее. Если вымрет память о праведниках – кончится жизнь на земле, как Содом и Гоморра, как башня Вавилонская, ведь не Господа люди узреть хотели, на небеса поднявшись, себя показать, мерзость свою возвысить, в гордыне своей с Небесами сравниться. Известно, что потом произошло, и так будет всегда. Только разрастается клоака нечистая, ширится, или Божьего гнева уже не хватает, или число праведников совсем умалилось; а, кажется, больше извратилось понимание истины, лжепророки по всем углам множатся, сулят славу, богатство, а то и есть муки адовы, мерзость пред Господом, и смерть, смерть, смерть души нашей. Но души от чистоты нашей памяти возродятся. Уходят с кладбища люди, из малой избушки-сторожки напивавшись слов добрых, душою светлея от шага к шагу, и несут этот свет в мир, где множатся испытания и не почитаема истина. Не дойдут эти, придут другие, твердые духом. Жив дядя Вася, жива легенда о славном князе, о подвигах его во славу народа, многие придут и светлым станет их путь обратный, освещённый светом той истины, которой боятся, но идут за ней и приходят.

Вася не только рассказывал о князе, его подвигах, но и видел его в своих беспокойных и всегда коротких снах; не тех лёгких видениях, что приходят от желаний, не исполненных днём, а пытливых продолжений самой легенды, где являлись новые сюжеты и лица, происходили сражения, все события развивались согласно сценарию неведомого режиссера, отрывки неких кадров, должных объединиться в одну картину, но многое смазывалось, рассеивалось в утреннем свете и оставалось в памяти только то, что и дополняло легендарные образы и благие дела. Жил Вася двойной жизнью: ночью ходил в походы, был дружинником, защитником Отечества, днём бродил среди могил, обихаживал кладбище, встречал памятливых гостей,

просто странников, бродяг; некоторые жили у него в избе днями, а то и дольше, месяцами, и зачем они тут были, и куда потом девались, никто не знал, в голову никому не приходило расспрашивать о том. Людишки заходили незаметные, молчуны, но Вася их зачем-то привлекал, прикармливал и отпускал с Богом на все четыре стороны.

Много по свету людей бродяжит, кто от чего ушёл, всего не дознаешься, но больше от неясности бредут, хотя бы до истины добраться, не зная, что она недвижна и неизменна, чем дольше идёшь, тем дальше от неё и отходишь. Потом причалит бедолага к какому-нибудь берегу, и начнёт понимать себя, и снова уйдёт, теперь уже от себя, от горести своего узнавания. Так и ходят от одной печали к другой, но для чего-то они, эти побродяжки, тоже есть, должны быть, из века в век идут, скорби собирают и уносят с собою, потому и принимает народ странников с душой и открывает им тайну горькую свою, и уходит скорбь вместе с каликами переходими. Им что? У них ничего в этом свете нет, потому и печали нет, вот и выслушивают других, чтобы понять, зачем живёт человек, в богатстве лишь тоска, но всяк о нём радеет. Заберут кручинушку, они новую копят.

У Васи всё по-другому: здесь люди помолчать собираются, послушать, на кладбище только дураки кричат, но те редко сюда заходят, что не дурак, то умереть боится, думает, подальше от погоста буду, дольше проживу, а зачем – не задумывается. Вася многое о том думал, рассказать было мало кому, да и зачем, он легенду знал и сказывал её, туда и свои мысли укладывал, как получалось, но, видно, неплохо говорил, надо уметь складывать слова, чтобы тебя слушали, читали, для того должно отыскаться какое-то начало: высокое, божественное, а может быть и дьявольское. Кому что милее, оттого и слушают люди, а которые прочь идут, в головах скудость имеют, а гордыни много, чтобы глупость свою признать. Глупость – она от лени, от нежелания слушать. Есть хлеб – покушают, нет – поплачут, а от чего так происходит, думать не хочется – трудное это дело. Леня наперёд людей родилась.

Слушателей у дяди Васи хватало, живые сами приходили и уходили, почившие прибывали на телеге и на автомобиле и оставались навсегда, они всегда вернее – не обманут, не польстят, только смотрят с укором с фотографий памятных, много у них вопросов к оставшимся на земле, но до времени, до встречи молчат, а укор их в обрётённой ясности того смысла, что на земле никогда почитаемым не станет. Сам Вася давно умер, он жил только на кладбище и больше нигде, а, значит, был покойникам роднее, нежели живым. Весь род человеческий от рождения – потенциальные покойники, но жить при жизни на том свете не всякий отважится, как и о былом говорить не каждому дано. Все пытаются в будущее заглянуть, а там ничего – кладбище, родня зареванная, если есть, конечно, и ты одет, как в праздник, от радости, что всё закончилось удачно, можно ведь жить остаться надолго, так долго, что взвоешь от этой бесконечности своих мытарств и дури в них. В прошлое никому оглядываться не хочется, там такие мерзости наворожены, по пояс, по грудь, а у кого и под горло жмёт, никому не хочется себя в дерьме помнить, а в будущем всё возможно, но покойником и в настоящем, и в дальнейшем быть вернее. Все того ждут и боятся, а ты вот уже тот, кем все ещё только будут. Не мечтают, конечно, но непременно станут, и потому оглянуться только тому дано, кто раньше всех понял, что в будущем ничего нет и жить нужно сразу по-человечески, с малых лет. Потому дядя Вася никогда не изнывал мечтами, что вдруг кладбище превратится в райский сад и одарится он пышными плодами его. Спокойно относился и к живым, и к умершим, к князьям и рабам, в покойниках все перед ним равными проходили, и он им вровень был, жив – не жив, но память отеческую величал.

Говорят, что на погосте бесы обитают, вурдалаки, оборотни, про них люди шепотком сказывают, не зная и не ведая, да и не видел того. На кладбище тихо и покойно, мертвые сраму не имут, и не потому, что не живут, а не приемлют его, Господа узрев. Бесы, они среди живых людей проживают, в кабаках за стойкой стоят, в карты зовут играть, на воровство смущают, при жизни в сатанинское воинство готовят, а похоронили – души усопших либо плачут, либо

радуются и уже навсегда. Вася много лет живёт, никаких передвижений на своей территории не замечал, тишину слышал, а в ней благодать, а вот когда гроза, вроде как плач раздаётся рядом, а может, мерещится по старости лет, но нет, плач не может блазниться, чудится смех, то дьявол хохочет над человеческими делами, а на кладбище все старания и страдания к тем мучениям закончены, смеяться не над кем и не над чем, всё умерло – всё, и сатане делать тут нечего. Мир да любовь царят на погосте. Мир среди усопших и любовь к ним помнящих о них.

Вася живёт долго и всё потому, что умирать ему не надо, он совсем коротко среди людей обитал и сейчас находится в том мире, где нет суеты, лишних слов и покойно, а то, что он ещё не под землёй, так ведь надо же кому-то за могилами усопших ухаживать, живым это делать некогда, они не помнят о смерти, и потому она к ним приходит неожиданно. Вася помнит о своей кончине, она уже состоялась и больше ему не страшна. Умирать надо уметь, не тащиться за ненужной жизнью, не ползти, желанная пора проходит быстро, а жить против желания не стоит. Желания мешают умереть, а если их нет, то и жить не надо, но и умирать, если что-то не закончено – нельзя. А не закончена легенда, в каждом сне видится ему её продолжение. Ему снится, значит, ему её и договаривать. Умирать недосуг, князь живёт в нём не обличьем, но словом. Вокруг земля родная, и о том каждый знать должен и легенда – тому напоминание.

Князь повернул своего коня: «Всё, дальше чужая земля лежит. Отдохнём пару деньков и к родным вотчинам направимся». «Можно бы дальше пойти, город виден за рекой. Добычу возьмём», – раздался голос от дружины. «Или головы сложим. Воровство нам не по чину. Мы – защитники своей земли, а не разбойники. Вольна наша земля, и мы ею будем живы», – князь спешился и подал молодому дружиннику повод.

И Вася проснулся от этого сна. В деревне петух горланит, подниматься скоро. Рано Вася встаёт. Казалось бы, чего спешить, почивай себе до свету, покойники в двери стучать не стучат, им ничего от тебя не надо. Вчера, правда, странник к нему приболудился, чуть жив, каким его ветром принесло, как добрался, ничего не сказал, чаю выпил, и дремать зачал. Уложил его Вася на постель в маленькой комнате и подумал, чего они ходят, куда хотят добраться, до чего – до счастья, до богатства, а, может, к себе идут всю жизнь? Надо же так потеряться, чтобы по всей земле себя искать. Нет, что-то другое этих людей по земле водит. Или корни оборвались, прорасти не могут, вот и носит их ветром туда и сюда. Расспросить бы надо, отчего ушёл или куда дойти хочет, что потерял и что находилось в долгом пути. Будет жалиться на судьбу, бродячую жизнь, но поживёт недолго и отправится дальше, куда, одному Господу вестимо. Богу многое известно, всякое почему – Его путь, определенный судьбой.

– Почему бродишь? – спрашивают.

– А ты чего дома сидишь? – вопрошает в ответ бродяга.

– Не знаю, – говорит домосед.

– И я не знаю, – вздыхает идущий. Дай ему дворец белокаменный – и от роскоши уйдёт.

Бродягу о цели пути спрашивать, как птицу про высоту неба – её всегда не достаёт. Иного прохожего спросишь, где бывал, чего видел – он и не помнит ничего, а зачем ходил, бродил по свету, неизвестно. Другой из дому не выйдет, а всё, что ни спроси, и в тридевятом, и тридесятом царстве знает, что там творится. Прозрение человеку от Господа дано, и про князя тоже, иначе, откуда ему в Васиных снах оказаться.

Поле Куликово тоже из снов явилось – о свободе, единении сил, ту волю рождающих. Долго те сны народу снились и только потом освобождением явились от междоусобных распрей, от мелких мыслишек корыстных, из своего «я» к народному – «мы», выбором – пропасть в рабстве или силой стать. И князь славный нашёлся, и на поле привёл, и победу добыл. И град Китеж со дна всплыл, и вспомнили люди жизнь былую, волю вольную. Тот град Китеж и есть Русь упрятанная, потаённая до поры, до победы над рабством своим, ведь сказано: возродятся града и веси, не из пепла, нет, из памяти народной. И покуда разруха и гнев на земле, народ

надеждой жив, что всплывут города и поразят своей красотой сердца, и воспрянет в них Любовь. Легенда красивая и смелая – путь к той Любви, и потому окончания ей нет, что тайна не имеет конца, как не имеет конца земля родная для тех, кто на ней живёт.

Вся разруха на Руси с раскола веры православной началась, с ереси жидовствующих. Были, конечно, и до того меж русскими драчки, но чтобы веру делить, до такого только дьявол мог додуматься. Царь Алексей Тишайший хотел своих врагов от веры православной отлучить, а получилось, что отделил Русь от России. И пошло и поехало – разброд по стране, одни в леса, другие в терема высокие, не достать. И стали православные люди друг друга аки зверя лютого травить, одному и тому же Господу молясь, но по разному персты складывая. Из этого русского раскола взросли в злобе своей и Стенька Разин, и Емелька Пугачёв, а потом, на ослабевших от внутренней распри навалились иноземцы, каждый силился свой кусок от нашей беды урвать. Но русский народ тем и славен – своя драка, междоусобица до смерти, до разрухи, но чужой не суйся, сомкнутся перед супостатом, будто братья родные станут, нет прочней силы – из пучины вражды на защиту Отечества как один идут, и нет равных им в том бою. Но кончится время ратного подвига, отстроятся, обживутся и заново за старое принимаются, обиды начинают вспоминать, тут, глядь, какой-нибудь Емелька найдется – пошёл бунт, разбой по родной стороне. Натешатся вдосталь, как заново родятся, и снова – за работу.

Тут вскоре комиссары чужеродные подспели и молвят: трудно вам, ребята, в расколе жить, а бросьте вы вашу веру вовсе и без неё живите, вот вам по топору, добывайте себе свободу от всего – закона, царя, веры, Родины и радости. Разбойничайте безбожно и бездумно, а мы тут за вас решим, как вам дальше жить. Так и решали – кого в тюрьму, кого в гроб загнали, а кого и туда, где Макар телят не пас. Так бы и перебили русичей всех до единого, но тут немец на весь мир озлился. А воевать кому? В европах свои законы, кто сильнее, тому и лизнут задницу, а чтоб воевать, упаси Господи, для этого варвары-славяне на Востоке имеются. Туда немцев и направили, а сами все сдались без боя и стали ждать освобождения, под оккупацией проживая. Комиссары тоже в сторону (кто в Америку, кто в Сибирь), не наше, мол, дело, свою землю сами защищайте, а мы со стороны посмотрим, может, опять какую-нибудь выгоду вынем из вашей бойни. Слава Богу, князья славные нашлись, повели народ в бой и победили всех сразу: и комиссаров, и немцев, и безбожие своё. Сплотился народ, окреп, ожил – засияла русская земля куполами золотыми, вера в единую срастаться начала.

Но неймётся пророкам бездомным, ни флага, ни Родины долгое время не знающим, бродят эти паразиты по телу народному, пьют кровь, зудят, будят в людях мелкие, мерзкие мыслишки, им непокой, разбой вселенский – радость, они руки на этом пожаре греют да барыши считают. Потому и сеют разброд в народе, и снова по стране разбой и смута (манит народ воровская свобода), видно, скоро до войны дело дойдет. Последней, самой страшной, после которой сгинет всякая нечисть со всей своей ересью в Тартар, и наступит мир да покой, и слово Божие станет услышано во всех началах и концах Земли. А пока зуб за зуб и око за око, и нет от той мести спасения на белом свете, не видна война эта тайная глазу, но губит всё на Земле, что ещё верно Господу. Глумятся лжепророки над верою, над победами нашими, устраивают революции и новые войны, обращают народы в рабов разврата и безбожия, и нет тому конца.

Вышел Вася во двор, а там всё так же: утро встаёт, туманом закутанные деревья дремлют до солнца, а земля в этой дымке утренней будто покачивается, в неге дремотной, и такой кругом покой, что думать только о добром хочется. День всегда утром готовится: как светом ранним подумаешь, так тебе и день отзовется. Пройтись бы надо, осмотреть хозяйство своё скорбное: где прибрать, почистить, деревья у ограды надо бы поредить, мешают друг дружке в рост пойти, а там, поди, и странник поднимется, для разговора время будет. Вслед за добрыми мыслями хорошо ранью утренней пройти, оглядеться в редком ещё свете, в котором прячется по углам, в низинах, ночная тьма, но уже не выстоять ей, скоро зальётся всё кру-

гом теплом солнечным, зашевелится, зашебаршит соком жизненным природа, блеснут росой травы, стряхнут дрему деревья и откроется взгляду благодать и ширь родной земли.

Вдруг показалось Васе, блеснуло что-то в стороне, в зарослях сиреневых кустов, не росинка крупная, нет, не осколок стекла бутылочного (с чего им сверкать в тумане, солнца-то ещё нет), а нечто особенное, как озарением засветило в глаза, указало, куда подойти, и погасло. С трепетом и опаской, но не снедаемый любопытством, а как-бы по зову родному, подвинулся он к месту свечения того. Продрался сквозь заросли, лет двадцать никем не хоженные, с той самой поры, как разросся первый куст, Васей посаженный для красоты весенней и запаха сиреневого. В самой чаше, глядь, а тут крестик нательный, серебряный, и на цепочке того же металла лежит. Поднял Вася святую вещь, вылез из кустов, а тут по небу будто что-то зашумело. Поднял он голову, а там промеж начавших светлеть облаков всадник скачет, не шибко так, будто протягивает путь с востока на запад. Замер Вася, задрожало кругом, конь белый и всадник на нём, осиянный золотыми лучами, повернул голову и на землю глянул, и таким светом воздух наполнился, как только при рождении бывает. Надел Вася крестик найденный на шею, упрятал под рубаху и покойно стало на душе. И сразу вновь шум по небу прокатился, и всадник за ним уже с запада к востоку проплыл, добрался до горизонта, и солнце сразу выкатилось, и день начался.

В покое и радости пошла у Васи работа, и мысли, меж делом, светлые. Догадаться хотел, кто же крестик мог обронить, и всё понять не мог, и казалось, что похожа находка на его именной крестильный крест, что надела на шею ему при крещении бабушка, и который, не снимая, носил мальчонкой, а потом затерял где-то по неразумности своей. А всадник – он-то к чему, не каждый день такое чудится? Что явь, а что видением называть, не сразу разберёшь.

Вернулся, хорошо потрудившись, Вася в избушку, а странник уже поднялся, ожидает у двери. Вчера, когда сумерничали, в потёмках не разглядел толком его – оказался и лицом пригож, и статью вышел, не истоптался ещё, по земле странствуя, и говор лёгкий, не докучливый. По нраву пришёлся со взгляду, и пошёл разговор, а между ним Василий картошки начистил, и варить поставил, сальца порезал, лук, хлеб, траву в чайнике заварил. Хорошая беседа – она к застолью располагает; достал Вася и настойки крепкой, на ягодах, – горит в бутылке рубиновым цветом, радует глаз чистотой хрустальной. Выпили по махонькой, хлебом, салом закусили, и спросил тут бродяга:

– Сказ-то будешь говорить?

– Откуда знаешь, что я рассказывать умею? – удивился Вася.

– А то. Земля слухом полнится. Твою легенду по всем краям света странники сказывают, – ответил гость.

– Как узнал, что они здесь повесть услышали? – пытал хозяин.

– По их рассказам, пригляделся – вижу, не иначе как в этом доме поэт тот живет. Могилу князя покажешь? – развеял все сомнения гость.

– Покажу, отчего не показать, раз уж всё знаешь об нас, – успокоился Вася.

– Легенду слышал, но везде она разнится в словах. Пока донесут из края в край, многое переменят. Но, главное, жива легенда и славен в ней князь. И я, слава Богу, добрался к тебе, послушать из первых уст желаю, вот и пришёл. Не выгонишь – поживу, послушаю, – готовился к рассказу странник.

– Рассказывать к ночи будем, а сейчас отдохнём от обеда, потом пособишь мне в работе, если не ленив, разговоры вечером будут, – противился своей радости Василий, но душа его пела словами странника: «Жива легенда, жива».

Полуденная дрема недолга, пошли дела дорабатывать. Помощник Василию достался умелый, дело у него спорилось, сам-то за ним едва поспевал, видать, не от работы мужик бежал, судьба в бродяги определила. Может, останется, поживёт, одному всё трудней управляться стало. Уже вечером и поговорить надо об этом. По нраву Василию захожий человек пришёлся,

будто родной, долгожданный. А душа уже кипела словами легенды, собирала их вместе, чтобы вылиться всей своей красотой свободной на радость слушателя. Много у него людей перебивало, подкормиться заходили, погреться, зиму скоротать в тепле, но чтобы издалека за словом придти, впервые такое случилось.

Потрудившись изрядно, отправились к Князеву камню. Почтительно встал у памятника странник и кепчонку сбросил с головы, и волос пригладил, молчал долго, только губы шевелились, как при молитве. По нраву Василию и почтение его к памяти великой, и молитва неслышная.

Поужинали уже при лампе и сразу же прилегли, и медленно-медленно вострепенулась темнота словом, уступила своё пространство светлой мысли, дивному сказу о прошлых подвигах великого князя и его дружины, и дрожала ночь от топота копыт и звона мечей, когда рубились воины с ворогом во славу родной земли. К полночи иссякла речь, кончилась легенда, возвратились ратники в родные дома и тихо стало в избе кладбищенского сторожа – потомка князя.

– Сладко будет спать после такого славного рассказа. И сны явятся добрые, – промолвил в тишине странник.

– Здесь всем крепко спится: и проходящим, и уже пришедшим, – подтвердил его слова хозяин.

– А напечатать свою легенду не пробовал, уж больно слова в ней добрые да складные, может, кто и прочитал бы вдалеке, не всем годится по свету-то бродить, а знать хорошее многие люди хотят? – из темноты спросил гость.

– Как не пытаться, хотел. Журналист приезжал, всё про князя выпытывал, и адресок дал в городе, в журнал. Месяца два я тут бился, переписал начисто весь сказ и поехал, благословясь. Только там, в этом городе, ни мое благословение, ни сам деревенский человек ходу не имеет. Посмотрели мою писанину, поулыбались вдосталь, а потом спрашивают, а где вы образование получали. В школе, говорю, семь классов закончил. Маловато, говорят, учиться вам дальше надобно. Говорю им, учился, мол, книг много умных прочёл, словами мудрыми душу образовывал. Они отвечают, мол, книги все любят читать, а надо учиться, чтобы их писать. Я говорю, не знаю, кто книги пишет, а вот читать-то не все любят, вот вам принесли легенду о князе, а вы читать не хотите. Поусмехались, кто в бороду, кто ещё только в усы, но уже научены над мужиком ехидничать, поперемигивались, дескать, откуда такой деревенский Нестор отыскался и почему без лаптей. А ещё спросили, кем служишь, убогонький. Сторож, говорю, на кладбище. Тут совсем хохот покотился, будто горохом об стену застучало. Ты бы лучше, говорят, про вурдалаков написал, как они по ночам людей пугают. Мы бы тебя живым свидетелем выставили, в герои наших дней вышел бы. Мне геройство ни к чему, отвечаю им, а на кладбище тихо, никаких упырей не видать, они все в город перебрались, по редакциям сидят и среди бела дня хохочут, как выпь на болоте, кровососы тоже в столицах живут, всю кровь из деревни выпили и над нею, родиной своей, надсмехаются. Только вот умники из вас никудашные, не тому вас учили, смеяться выучили, а думать – нет. Всё о любви к народу талдычите, ан, не любите вы его. Надо так свой народ любить, чтобы бояться его, как Бога, и потому не чинить злого умысла к нему, ибо суд народа – суд Божий, ко всем он грядет, и к вам тоже, там разберут, кто убогий разумом, а кто светел. Давай они тут в полный голос хохотать, развеселились, а я писанину в руки и домой. Ехал в автобусе к своей деревне и раздумывал, а Гомер, певец слепой, он, что, профессиональным писателем был, в клубе поэтическом состоял, а Эзоп вовсе рабом родился, нет, тут что-то другое замешано в этом недружелюбии к деревенским сказителям.

Боле и не ездил никуда.

– Ничего, Вася, Христос тоже необразованный был, фарисеи и над ним потешались. А что из того вышло, все знают. Разум от Бога, науки – лишь продолжение того разума. Кто в науке преуспел, ещё не значит, что у Господа в милости.

Долго не сумел заснуть Вася после разговора с гостем, Егором тот назвался, давненько таких людей не встречал – обстоятельных, но открытых для разговора. Без утайки отвечает про своё житьёбытьё и сам вопросы задаёт неробкие, душу чужую выпрастывает. Легко с ним. Молод ещё, но уже осанист в речи, неуступчив, если за правду зацепился, а бродяга редко свою жизнь на истину кладёт, врёт больше, как проверишь, света край далеко и чего там было с ним, поди, проведай. А у Егора всё степенно, без робости человек живёт и говорит. Этот не просто бродит, перекаати-подем, где подадут чего, там и дом, он, по всему видно, укрытия ищет, душ родных свет ему нужен, вот и легенду на конце земли услышал, и за ней пошёл, и сыскал начало её. Может быть, с тем, чтобы продолжить. Слава Богу, послал он Васе второго, что каждому человеку нужен, чтобы дело его на земле подхватить. Без такой причины он бы сюда не пришёл. Своих последышей у Васи нет, а этот не чужой, он родней родных, на князя обличьем похож, а подобие великого просто так не даётся – оно достойных ищет, ждёт, как награда.

Вот и Васе радость вышла за долгие годы ожидания, будто сына, никогда не виденного, встретил. А годов-то сколько ушло? Начал он их считать, вглядываясь в темень избы, будто хотел сыскать в ней подтверждение своей жизни. Точный счёт своих лет у него никак не получался, многие зимы и лета помнил, людей в них живых, а теперь уже тутошних, под крестом почивших, и получалось, что всех он уже пережил – и поздних, и ранних, и как ни крути, а за девяносто годов он уже отошёл и скоро надо будет на поклон к Господу собираться. А что точного числа своих лет не знает, так то не беда, он среди живых мало жил, а на кладбище года, как один, и сто лет – мгновение. Так бывает – умрёт человек, пока помнят его, вроде как живой, а кинутся считать – самим пора вслед отправляться. Но если ты гневен в своей памяти или по другой причине забыл родные места, не посещаешь отчие могилы, то тебя после смерти зароят, как собаку и никто не помянет о тебе добром, гордыня твоя прорастёт на могильном холме сорной травой, бурьяном беспамятства.

Под утро отошёл Вася от раздумий, сомкнулись его глаза, утомившиеся выискивать во тьме растерявшиеся по жизни годы, и в глубоком этом сне оказался он вблизи какого-то ровного, воздухом светлого поля, в ожидании грядущего события. И разделяет это поле ограда кладбищенская на два мира. У этой ограды и встретил он князя. Князь конно прибыл, с малой дружиною, спешился у своего камня и заговорил: «Беру тебя в своё воинство. Много добрых дел за тобою, Василий, будешь мне помощником. Вместе постоим за нашу землю перед Богом и народом». Ещё многое говорил князь, но очень уж ярко сияла кольчуга его и шелом на голове – страх благоговения сковал разум, и не всё сказанное запомнилось. Проснулся он утром, будто осиянный тем жарким светом доспехов князя и дружины его, долго бродил меж могилами, пока не пришёл к своей суженой, не ставшей ему женою, а ушедшей невестой к Спасителю. Долго стоял, глядел на её улыбочивое лицо с фотографии, и свет той улыбки вливался теплом в его душу, а, может, то лучи утреннего солнца согревали его, но только вдруг стало жарко в груди, потянулся Вася руками к глазам любимой и соединился с ней – упал на могильный, поросший травой мягкой холмик, под самый похоронный крест, и замер навсегда.

ЦЕРКОВЬ

Кому церковь не Мать, Тому Бог не Отец...

Всегда люди старались строить Божьи дома повыше, на пригорке, на горочке, пусть небольшой, но всё поближе к небу, Богу. Строили крепко, красиво и навечно. Вечное не может быть убогим.

Если Бог вечен, значит, и посвящение ему должно быть под стать. Под стать вере и любви, обращённым к всевышнему познанию, ибо познание высокого и есть Бог. Познание красивого, доброго, вечного.

Нельзя восхвалять пустоту. Она невидима. Восхвалять великое нет нужды. Остаётся среднее, хвала самой жизни. Хвала её свету и тьме. Жизнь и есть нечто среднее между пустым и великим.

Эта церковь тоже была построена на пригорке и когда-то оповещала малиновым звоном своих колоколов о движении жизни, обзванивала праздники и беды, печалилась к смерти и благовестила о рождении. Это было так давно, что даже людей, которые помнили о том, никто уже не знал. Они, конечно, жили, эти люди, но затаились где-то, как затаилась и сама церковь, между высокими домами большого города. Её колокольня едва достигала четверти роста зданий, окружавших её. Было похоже, что не в меру выросшие сыновья, склонившись над старушкой-матерью, упрекали её в чём-то, она же слушая их слова, тяготясь их громкостью, в то же время светила улыбкой понимания, доступного только материнству. Разговор, как всегда меж ними, шёл о Боге. Сыновья уверяли мать, что даже со всей высоты своего роста они не видят его. И никто рядом тоже. Что же тогда хранит она, такая маленькая? Что же она может видеть из-за громадин нового мира? Она отвечала им, что ей и не нужно ничего видеть, но она чувствует близость их родства и счастлива этим. Рада, радостью матери, что её старость будет согрета теплом своего продолжения. А что до Бога, она помолится, чтобы он хранил продолжение это, память людскую от разрушений. Ведь и создана она – мать – из памяти. Видно было, что не впервые затевался этот разговор и каждый раз, в окончании спора, казалось, что сыновья становились меньше ростом перед светлым взглядом своей матери.

Во дворе церкви, прямо за воротами, была пристроена сторожка. Она, видимо, строилась гораздо позднее и потому не очень подходила к добротной и крепкой постройке самой церкви. Но эта пристройка служила местом обитания единственного живого здесь существа – сторожа церкви. По каким-то неведомым обстоятельствам хозяева давно покинули свой дом, но сторож остался просто по причине своей старости. Сторожа звали Никифор. Он имел небольшой рост, но очень благообразную внешность и редкую для своих лет подвижность. От его постоянных заботливых и уже, как могло показаться, мало кому нужных усилий церковь всегда гляделась чистенькой, пригожей и радовала глаза и душу жителей города какой-то далёкой тайной, неясной, но необходимой. Дорожки, во дворе церкви, всегда были разметены, деревья пострижены, цветы ухожены. Часто можно было видеть, как по утрам и вечерам церковь посещали старушки, что-то приносившие в узелках, видимо, еду сторожу. Они выходили из каких-то тайных щелей большого города и темными пятнышками своих одеяний бесшумно направлялись к церкви. Двигались они всегда торопливо, как умеют спешить только старушки, не глядя по сторонам и перебегая улицы в самый неподходящий момент, крестясь после того, как их минует опасность перехода. Скрипнув, церковная калитка сглатывала их, этих странниц, спешащих сюда со всех концов города, в свой мир, такой потерянный среди выстроенных громад новой жизни.

Чтобы понять величие прошлого, вовсе не нужно умалять заслуги настоящего. Просто нужно суметь прошлое приблизить. Оно должно стать неотрывным от течения нашей жизни. Оно и настоящее – целое. Целое время. Время нашей жизни.

Кто знает, о чём толковали старушки там, за церковным забором? Чем делились промеж собой? Горестями или радостью? Да и какие в старости радости. В детстве есть радость познания, а в старости, когда всё уже понятно, что есть? Есть только место, где можно укрыться от своей старости. Этим местом и была церковь. Здесь всё было прошлым. Прошлое – это ведь тоже чья-то юность. Когда это понимаешь, многое видится по-другому. Становится понятна вера людей, мученики этой веры. Понятен сам Бог. Понимаешь – Бог и есть понятность. Понятность того времени, что уже прожито. Ведь люди умирают, а Бог живёт вечно. Живёт для того, чтобы люди поняли, что в его жизни разное время их судеб – одно целое. Всевышнее осознание единства. От Адама и до тебя. Перед нами целая вечность жизни, но мы всё придумываем себе новые её начала, для того чтобы разделить. Но потом снова возвращаемся туда, откуда пришли. Бог всех ведёт одной и той же дорогой. Рождаются воители, идут воевать, чтобы объединить разделённый мир в одно целое, целую жизнь. Они облачают себя разными целями. Но цель одна – объединение. Цель не всегда до конца осознанная, но единственная. Никому ещё не удалось объединить наши жизни и не удастся. Потому, что люди разделили Бога. Бога объединить невозможно. Новые боги не позволяют этого сделать. Иначе им не управлять народами. И самое страшное, что эти новые боги спешат создавать свою новую жизнь. Но как можно созидать новое, будучи смертным? Можно только продолжать. Никто не хочет понять, что разрушение единства не есть созидание. Как люди продолжают себя в детях, так и всё должно продолжаться. И так будет всегда, хотим мы того или нет.

Так думали старушки, приходящие к Никифору, сам, Никифор, дома, окружившие церковь, люди, проходящие мимо. Но кто-то думал не так. Кто-то не смог увековечить себя, свою жизнь созиданием и решил сделать это разрушением. Сделать пустоту памятником своему бездушию.

Сейчас трудно сказать, кто первым понял происходящее вокруг. Сама церковь, дома вокруг, Никифор, старушки. Но поняли все. Возле церкви остановилась грузовая машина, из её кузова посыпались лопаты, ломы и люди, в одежде строителей. Потом подъехала ещё какая-то страшная машина, древняя, стенобитная. Люди начали по-хозяйски разбирать ограду у церкви. Со всех сторон начали стекаться зеваки. Среди них виднелись тёмные пятнышки старух. Будто кто-то оповестил их о приближающейся беде, и они спешили сюда, пока ещё не зная, зачем. Может быть, надеялись, что их убогий вид затронет душу разрушителей. Куда-то пропал Никифор. А его никто и не искал, кроме старушек, боявшихся, что его завалит при разрушении Божьего дома. Ведь где же ещё ему было быть, как не в церкви. Больше у него не было ничего. Об этом они толковали строителям, и те нехотя оглядывали здание. Но долго не искали, торопились. Надо было опередить пробуждение совести.

Забор вскоре был разобран. Без изгороди явилась взглядам собравшихся сиротливая беззащитность церквушки. Будто бы церковь хотела куда-то уйти, но для этого калитка была мала, и пришлось разобрать забор. Эта непривычность пугала. Эта открытая испуганность церкви, непонятность предпринятого перехода останавливала людей, будила тревожные мысли. Толпа росла. Вместе с ней рос вопрос. Почему? Почему нужно сделать пустоту? Пустоту в памяти. Кому и зачем это нужно? Вопрос охватывал своим изгибом церковь, толпу, гудел от напряжения, ожидая ответа.

Стенобитная машина тем временем подобралась к зданию церкви вплотную. Чистенькая церквушка ласково улыбалась своими куполами навстречу этому чудовищу цивилизации. Толпа затаила дух. Никто ничего не хотел. Только замерли. Так замирает внезапно испуганный человек. Напрягшись, приготовившись к защите, ещё не зная от чего. Не сориентировавшись в опасности, но замерев от её ожидания. Церковь тоже замерла, всё ещё улыбаясь, но уже как-то потеряно. Улыбка сходила с её лица вместе с приходящим пониманием опасности. Машина размахнулась, будто в рукопашной, но тут ударил набат. Звон колокола так рванул воздух, что некоторые люди даже пригнулись. С каждым новым ударом колокола звон догонял предыду-

щий и постепенно слился в единый звук, который тревогой заполнил пространство вокруг. Пространство памяти. Пространство памяти велико и дремуче, но если его пробудить, всё становится ясным, понятным. Звон ударялся в стены больших домов, перехлёстывал через них, обхватывал вокруг и лился, лился в какую-то дальнюю даль, как лился многие годы, призывая людей к единству. Было в этом что-то до того сильное и смелое, что распрямляло плечи, вдыхало в грудь свежесть и звало, звало. Была в этом гудящем набате гордая память чего-то бывшего, в громаду которого и должен был вырасти этот звук. Огромное пространство памяти пробуждалось этим звуком. Звук был корнем, на котором должна была вырасти необходимость смелости.

Память это не только когда-то виденное, это переданное нам поколениями. Звон разбудил в людях чувства их прадедов. Дрогнула душа памятью и окрепла. Окрепла и стала силой. Силой единения духа.

Это случилось так быстро, что не каждый понимал, что делал. Пробуждённое, давно забытое чувство долга перед прошлым опередило разум. Сразу стало понятна нелепость размахнувшейся машины и звучность колокола. Вскоре машина стояла за оградой, вернее за чертой бывшей ограды, а рядом с ней стояли рабочие, тоже замороженные звуками далёкой жизни. Быстро восстановили ограду, с торопливостью, с какой просят прощения, невзначай напакостившие дети.

Народ не расходился. Чего-то ждали. Колокол как-то радостно запричитал и остановился, замолчал. Звук его ещё плыл в душах людей, а из церкви в это время выходил Никифор. Его будто вытолкнуло остывающим звуком набата. Он был совершенно на себя не похож. Волосы на голове и бороде всклокочены. Глаза, потухшие, сгоревшие, черными щелями безобразили бледное лицо. Покачиваясь, прошел он через двор и присел на крыльцо сторожки. Многим показалось, что это вовсе не Никифор, а они вернулись из дальнего похода и, воздав хвалу Всевышнему, присели отдохнуть. Другие ощутили близкое родство человека, сидящего на крыльчке, и озноб неслучившейся беды кольнул тело. Долго не расходились. Было тепло и хорошо вместе. Вместе с началом и продолжением.

ПРЕОБРАЖЕНИЕ СМЫСЛА

Камо грядеши...

Он остановил осла недалеко от стен древнего города.

– Ты кто? – спросил его другой человек, вышедший из ворот.

– Я – царь ваш, – ответил странник.

– Ты, царь? – покатился со смеху прохожий и, упав на землю, задрывал ногами и, задыхаясь от хохота, продолжал кричать. – Царь, царь! – Но, вдруг, хохочущий человек опомнился, подскочил на ноги и побежал вслед человеку, назвавшемуся царём, который уже въезжал в городские ворота на спине осла. Он больше не смеялся, бежал быстро, будто желая ещё раз увидеть и что-то спросить. Прохожий не думал о сути своего вопроса, но знал, что от ответа зависит его жизнь. Но к его несчастью толпа горожан уже окружила человека на ослике и, приветствуя, люди махали недавно распустившимися ветвями оливы, бросали их под ноги ослу, устилали путь своими одеждами и кричали непонятные, но знакомые слова: «Осанна, осанна!». Он силой продирался сквозь толпу, но новые люди стеной вырастали на пути и, хотя человек на ослике был виден совсем близко, подобраться к нему и спросить было невозможно – народу становилось всё больше, а радостные крики заполнили пространство вокруг него. Он всё же старался прорваться вперёд, рёбрами ощущал остроту локтей, тыкался в просветы между спин и не находил пустоты, хламида его намочила потом, один сандалий потерялся в суতোлке, но он пробивался вперёд – ему нужно было видеть этого человека. Он что-то кричал, просил, умолял, но эти звуки его голоса тонули в общем гуле многоголосья, что ширился, рос и уже достигал края света и высоты Небес: «Осанна, осанна». Потом он уже пытался вырваться из толпы хоть куда-нибудь, внутренности его горели от жажды и, обливаясь потом, он упал на камни мостовой, народ схлынул вслед человеку на осле, а он остался лежать и звуки голоса человеческой радости, отражаясь от небесного купола, опускались на площадь, баюкая его мысли: «Осанна, осанна!».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.